

ВЛАДИМИР ПОПОВ

МОЯ РОССИЯ

Две России

Который год я мучаюсь вопросом, в чём причина жестокости, которую мы явили миру и, прежде всего, самим себе, в двадцатом веке. Неужели всё объясняется только неумолимой логикой классовой борьбы и установлением режима диктатуры пролетариата, одной из важнейших задач которой, помимо созидания, в первые годы стало социальное, а при сопротивлении и физическое уничтожение бывших эксплуататорских классов и сословий. Но всё ли так однозначно?

Год 1812. Войска Наполеона перешли границу Российской империи и стремительно двинулись к Москве. Среди русских наблюдался необычайный подъём патриотических чувств, массовый героизм солдат и офицеров-дворян, выросших, заметьте, на французской литературе, с детства говоривших на языке Вольтера и Руссо лучше, чем на родном. **До 60% мужчин из дворянских семей полегли, как Андрей Болконский, на поле брани.** Если задуматься – невосполнимая потеря для правящего класса империи, но не только. Останься они живыми, возможно, и история страны в XIX–XX веках была бы иной. Ведь мы все, почти 200 лет, в том числе и при советской власти, воспитывались на героике этой великой и красивой эпохи. Книги, музеи, памятники полководцам войны 1812 года, кинофильмы выдающихся мастеров и панорама Бородинской битвы в столице – это непосредственное свидетельство уважения, более того, преклонения перед прошлым России.

Вот только многие не знают, что в передовых отрядах армии Наполеона, вместе с поляками, кипящими ненавистью к России, шла знаменитая Русская бригада, в составе которой было более 25 тысяч солдат – бывших крестьян-беженцев, в основном из западных областей империи. Они отчаянно сражались с единоплеменниками и сложили свои непутёвые головы на полях бывшей Родины ради тщеславных замыслов корсиканца. Кто знает, не потомки ли этих наполеоновских солдат застраивают сегодня ударными темпами – при прямом попустительстве пресловутой вертикали власти – святое для всех нас Бородинское поле, возымев желание превратить его в символ торжества своего духовного убожества.

Благодаря мемуаристам и историкам мы много знаем сегодня и о партизанской борьбе русского крестьянства, немало сделавшего для того, чтобы даже в тылу французы не знали покоя. Но есть и другая, малоизвестная сторона народного освободительного движения, несколько неожиданная для

певцов великой и единой России под скипетром самодержца. “Дубина народной войны”, воспетая гениальным автором “Войны и мира”, ходила не только по головам неприятеля, но и охаживала попадавших под руку русских офицеров, говорящих, как правило, на французском языке. Чем мы до сих пор так бездумно восхищаемся. Оставленные в спешке хозяевами помещичьи усадьбы местное население основательно грабило ещё до прихода неприятеля. **Причина была одна – дворянский мир и его обитатели, с их праздным образом жизни, непонятным языком и культурой, были совершенно чужды 97% населения страны, у которого они сидели на хребте с того самого времени, когда несчастный Пётр Третий столь великодушно освободил их от обязательной воинской службы государству, “забыв” дать волюную и крестьянам.**

Год 1914. Европа, а вместе с ней образованная часть подданных Российской империи явно сошли с ума. Они неистово ждали войны, скорой и, разумеется, победоносной. Истеричные курсистки, экзальтированные дамы из благородных семейств, амбициозные чиновники из разночинцев, купцы и лавочники в обнимку с аристократами, со слезами на глазах от прилива патриотических чувств, срывали голоса на митингах и молебнах во славу русского оружия. **Никто из них, впавших в состояние массового психоза, не удосужился обратить внимание, что народ не ликует – угрюмо безмолвствует.** Отношение простых людей к войне с “ерманцем” было как к неотвратимому злу – послужить царю-батюшке готовы, но не более. И как только первые победы сменились поражениями, началось массовое дезертирство. В конце 1916 года до 35% солдат, призванных в армию, покинули самовольно воинские части, а 3 миллиона оказались в плену.

Национальная трагедия свершилась до февраля-октября 1917 года. Гражданская война лишь вскрыла гнойный нарыв, образовавшийся ещё в годы реформ Петра I, разорвавших народ на две половины. Государь-антихрист, таким он остался в веках для крестьянского населения православной страны. **С той самой поры, когда Самодержец “вздыбил” Русь, и начался исход одной России от другой, закончившийся катастрофой 1917 года.**

И только в годы Великой Отечественной войны и послевоенного Возрождения мы, наконец, преодолели этот трагический разрыв. **Вселенское горе и Победа, со слезами на глазах, объединили нас в единый народ.** Что бы ни голосили по этому поводу российские “савонаролы” от либерализма. У нас были единый язык, а диалекты делали его более богатым, одни герои, общая многоцветная культура и история Отечества и, не удивляйтесь, выстрадавшие поколениями советских людей христианские ценности. Мощные социальные лифты возносили образованного массового человека к социальным и космическим вершинам. Сыновья и внуки “мякинников” и “лапотников” выбились в академики и министры, стали генералами и маршалами, управляли сложнейшими научно-производственными системами. В этом и заключалась **созидательная основа диктатуры пролетариата и социалистической эпохи в истории России.**

Год 2011. Лихолетье 90-х годов минуло. Россия, разворованная и лишённая многих своих территорий, выжила. Кажется, можно и слегка перевести дух после очередной смуты. **Но истинная трагедия исконной Руси в другом – социальный и духовный раскол нации снова стал не просто реальностью бытия народа, он в извращённом сознании экономически, а значит, и политически господствующего класса воспринимается уже нормой.** Россия в ходе реформ так рванула в капиталистическое прошлое, что до сих пор не может восстановить дыхание, оказавшись в XIX веке. Искорёженная, она вынуждена теперь в муках проходить этап первоначального накопления капитала, которому соответствует и раннее буржуазное общество с его примитивной структурой и социальными языками. Без понимания того, что же с нами произошло, мы и дальше будем беспомощны перед неожиданными, как всегда для нас, вызовами истории. В России де-факто сложилась новая постсоветская социальная структура. Прискорбно, но современное общество вернулось в основных чертах к временам кануна 1917-го года. Но уже с характерными особенностями неведомой нам ранее дикой латиноамериканской модели. Кричащее богатство немногих и удручающая бедность большинства породили в невиданных масштабах коррупцию, уголовную преступность, наркоманию и проституцию. Такова немилосердная цена “воссиявшей” свобо-

ды. Должен заметить: тяжкий удел после утраченного величия, когда Советский Союз был сверхдержавой с огромным, на столетия, потенциалом.

Сегодня мы, как минимум, имеем две России. Одна из них живёт в соответствии с лучшими западными образцами. Она создала для себя закрытую от “подлого” народа среду жизни: загородные коттеджи за высоченными заборами с мощной охраной, машины представительского класса с сопровождением машин полиции, офисы с видом на Кремль, виллы на Лазурном побережье Франции (Италии, Испании) и непременно престижную недвижимость в Лондоне. А ещё, для детей, – закрытые пансионаты и частные университеты. Выход за пределы такого “спецпоселения” его обитателям нежелателен, да и зачастую опасен. Эта часть благополучной России, насчитывающей до двадцати процентов численности населения, аккумулировала в своих руках более 90 % всех доходов от собственности. Внутри этой группы имеется своя, не менее жёсткая градация. Там есть свои монархи и великие князья, падишахи с гаремом и доверенными евнухами и, на подхвате, мелкопоместные дворяне, нищие в сравнении с “их высочествами”, как церковные крысы.

На долю другой России, в разной степени обездоленной, приходится не более 10%, и такое соотношение доходов не меняется лет десять. В состав оставшихся 80 процентов входят 90 процентов от сорока миллионов всех пенсионеров, люди с низкой зарплатой и примерно пять процентов ведущих аморальный образ жизни: безработные, бродяги, наркоманы, алкоголики и уголовники. Что это значит? Лишь то, что мы позволили избранной нами власти создать правовые и экономические условия, основной целью которых является поддержание уровня жизни исключительно богатых людей.

Свидетельством полного отсутствия стыда у этой публики и её ангелохранителей в руководстве страны явилось поразительно быстрое после кризиса восстановление числа российских миллиардеров (их теперь уже более ста) и радостные по такому случаю крики прирученных средств массовой информации.

Больше всего меня поражает наш российский обыватель, поглотивший, как “серая плесень”, за каких-то двадцать пять лет всё жизненное пространство России. Он по-прежнему молчалив, со вкусом неспешно жуёт дарованную морковку, и взор его рассеянно блуждает, как в наркотическом тумане. Горести и радости олигархов его не волнуют, он твёрдо знает – видел по телевизору, – что богатые тоже плачут. Их проблемы – что потусторонний мир, они за пределами его затуманенного сознания. Главное, там, наверху, твёрдо обещали к очередным президентским выборам ещё генномодифицированной моркови и сладкой парёной репы подбросить. Очень вкусно!

Интересно, вспоминают ли “активисты первого часа”, растворившиеся в постперестроечном хаосе девяностых годов, начало Смуты? Как они срывали голоса до рвоты в курилках и на митингах-концертах межрегиональной группы в Лужниках. У меня зримо стоят перед глазами эти полубезумные людские массы “образованцев” из московских НИИ, охваченные общим психозом, я слышу до сих пор истеричные крики каких-то странных женщин без возраста, буквально заходящихся в стоне при появлении Б. Ельцина в сопровождении его кукловодов. Что они хотели увидеть в лице человека с явными признаками вырождения? Что надеялись услышать из уст этого малообразованного и косноязычного бывшего уральского строителя, следаемого неуёмной жадной власти, во имя которой он, вместе с такими же оборотнями из ЦК КПСС и КГБ, через несколько лет уничтожил страну? Для меня до сих пор загадка, почему именно с ним связали свои надежды на новую и, как им казалось, такую доступную жизнь.

Психология толпы – большая тайна для “непосвящённых”. Ведь он уже тогда был весь, как на ладони, – наполовину с удалью, наполовину – с придурью, особенно в подпитии. Почему поверили? Догадаться не сложно, типаж до боли знакомый. Многие себя в нём узнавали. Не нужно далеко ходить, в зеркало поутру взглянул, и всё понятно. Интересно, видел ли кто-нибудь из них тогда себя со стороны? Нет у меня жалости к этой публике. К себе и моему поколению тоже.

За всё пришлось заплатить сполна. Хотя, чего лукавить, цена каждому была назначена своя. Но нужно признаться, для любителей авантюры и российской “халявы” то время было волнующим и многообещающим. Вся атмосфера общественной жизни напоминала электрический разряд, изо всех ще-

лей звучали сладкие голоса сирен с призывами встать под демократические знамёна. Сколько же красивых слов было сказано о грядущей обновлённой жизни! Но не долговек наивных до глупости романтиков, все разговоры о светлом грядущем страны как рукой сняло, едва младореформаторы добрались до реестров Госкомимущества. А ныне и подавно нет никому дела до чистоты создаваемого строя. Напротив, произошло второе пришествие Чумазого — нарицательного типа дельца-выжиги и лиходея, точно подмеченного сатирическим талантом Салтыкова-Щедрина. **“Истинный” же либерализм в российских верхах свёлся, что и следовало ожидать, к беззащитному поощрению грабежа, “навynos и распивочно”, национального достояния.** Архаичная якобы экономика СССР явилась для “старателей” в офисах Садового кольца тем же, что и золотая жила на Клондайке. Они, с трудом дождавшись признания легитимности сотворённого ими в девяностые годы, тотчас объявили себя новыми хозяевами жизни, элитой. Мне ничего не остаётся, как поздравить всех нас со столь долгожданным и радостным событием.

Важным в понимании внутренней иерархии структуры этой части российского общества, у которой “жизнь удалась”, является возможность участия, в разной степени, в получении прибавочного продукта. Всё предельно просто. В экономике “керосиновой лавки” современной России, с её сырьевой ориентацией, прибыль, полученная в отрасли, распределяется между её владельцами, а уже потом и всеми остальными, занятыми в различных сферах трудовой деятельности. Разумеется, в зависимости от статуса. Конкретное место олигархов в верхней части социальной пирамиды определяется во многом их реальным финансовым положением. Но главным условием является возможность доступа к верхней части “тела” государственной власти, где, как правило, в тени кабинетов принимаются “нужные” решения. Сегодня численность субъектов, в той или иной степени влияющих через “вертикаль” власти на политику России, вместе с членами семей составляет 300–350 тыс. человек. Это не более 0,2–0,3% населения страны. До 1917 года таких людей в империи было значительно меньше. Всё дело в резко возросшей значимости “углеводородов” — основного экспортного ресурса страны. Ничего нового в этом нет. Во все времена в верховной власти находились специальные люди, контролировавшие эксклюзивный продукт для немногих. Менялись лишь источники сверхприбыли.

В круг управленцев с ограниченной возможностью влияния входят топ-менеджеры или сотрудники, которым олигархи поручили выполнять важные функции в сфере производства и финансового оборота, верхняя часть условного среднего класса, а также средние и малые предприниматели с более или менее стабильным доходом. Что является существенным в понимании их статуса? Прежде всего, устойчивая связь с олигархическими кругами и безусловное признание за собой подчиненного положения, постоянно подтверждаемая лояльностью к работодателю. Без этого ни о каком доверии не может быть и речи, а без него нельзя получить серьёзную работу с доходом, значительно превышающим потребности членов своей семьи. Профессионализм наёмного работника, конечно, необходим, но, повторяю, лишь в сочетании с личной преданностью. Иначе карьеры на этом уровне пирамиды не видать. Лояльные сотрудники, но не обладающие соответствующей квалификацией, используются исключительно в обслуживании. Доверенным же лицам не возбраняется иметь собственный бизнес, как правило, при согласии, что он зависим от воли работодателя. И, что важно, не должен быть финансово значимым, дающим его хозяину чувство полной самостоятельности. Эти персоналии входят в когорту экономически господствующего класса, чем и гордятся, но политические решения, и не только в сфере экономики, принимают другие. Важным в понимании их статуса является следующее — отнесённые к категории высшего управленческого персонала, независимо от значимости исполняемых функций, могут быть уволены собственником в любое время без объяснений причин. Они так же бесправны, как и сотни тысяч других, менее титулованных. Никаких иллюзий у честолюбивых специалистов, стремящихся занять высокие должности в крупном бизнесе, что само по себе не плохо, быть не должно.

Высокооплачиваемый обслуживающий персонал, входящий в нынешний средний класс, в количественном отношении равен 15–20%. Это не кто иные, как незаслуженно осмеиваемые мелкие буржуа. Они вжились в атмосферу рынка, он их не пугает, хотя вся деятельность происходит

в зоне постоянного риска. Работа позволяет им иметь доход, превышающий реальный прожиточный минимум, что в свою очередь является признаком жизненного успеха в глазах основного базового социального слоя, в котором они вращаются. Перепадающие кусочки прибавочного продукта дают возможность тешить себя иллюзиями, что и они подключены к вождельным богатствам общества потребления, формирующегося в России. А мысль, что рано или поздно выпадет счастье перескочить в “господский” слой, является важным стимулом их профессиональной активности. А чем, собственно говоря, те, кто уже там, наверху, лучше!

Кто же они, мечтающие перевоплотиться в буржуа? Ловкие посредники, преуспевающие мелкие торговцы, мелкий управленческий персонал на предприятиях промышленности и торговли, эксперты и всевозможные консультанты. В итоге — довольно многочисленный слой. Такого количества новых “разночинцев” не было ни в СССР, ни в царской России, где им соответствовала не богатая, но очень честлюбовная интеллигенция, вышедшая из простолюдинов, младший управленческий фабричный и, разумеется, торговый персонал. К ним примыкало мелкое чиновничество, мещанство и со средними доходами ремесленники. Именно этот слой населения России, как выявилось уже в февральскую революцию 1917 года, был наиболее восприимчив к буржуазным революционным идеям, а потом и социалистическим. Точнее будет сказать, якобинским, так как экономическая и политическая нестабильность в обществе настойчиво подталкивала их к насильственным мерам. Что интересно, все они по психологическому типу ярко выраженные индивидуалисты, но взаимная зависть и неприятие чужого успеха “сбивали” их в мощную агрессивную стаю, где чужаку на пощаду рассчитывать не приходится! Во время революций эта публика сплочённой массой прорывается в господствующий, а значит, и управляющий слой, и тогда для всех “бывших” и просто чужих наступают времена “святой инквизиции”. Так было после 1917 года, аналогичные процессы мы наблюдали и после распада СССР. Но массовые репрессии против противников и потенциальных конкурентов не всегда являются обязательным условием их силового утверждения во власти. Вместе с тем, со старой номенклатурой новые господа, как правило, не церемонятся.

Блеск и нищета русской Смуты 1917 года

Любая революция наносит серьёзный урон экономике и обществу. Это неизбежно, потому что разрушаются ведущие конструкции государства, сама структура его жизнедеятельности. Хотя предшествующий ей кризис, о чём я писал выше, всегда является следствием запоздалой или ошибочной реакции власти на возникшие противоречия в социально-экономическом развитии. Как правило, нагнетанию предреволюционного психоза в значительной степени способствуют несбывшиеся надежды активного меньшинства, которому удаётся втянуть в “водоворот” событий большую часть населения.

Государственный переворот, произошедший в СССР в начале 90-х годов и названный теперь буржуазной революцией, являлся по своей сути в самом начале **типичным протестом “новых разночинцев” против партийно-советской бюрократии.** Задумается спустя двадцать лет, кто стал его главной движущей силой? Новые пролетарии в лице городской интеллигенции, образованные люди, получившие высшее образование благодаря советской власти, но которым до чёртиков надоела слабо мотивированная работа за символические деньги и удушающая творчество регламентация всех сфер жизни: личной, научно-производственной и культурной. Это было мощное, но слабо организованное движение. Люди не имели осмысленной и сформулированной программы, не знали своей политической цели, но уже ясно понимали, **чего они не хотят.** Идею буржуазного переустройства общества им умело подбросили позднее, извне.

Не все восстания перерастают в революцию, и далеко не каждая из них завершается победой тех, кто её начинал. Но законы развития революций едины: разрушение старого общественного уклада, чтобы дать простор росткам нового, неизбежно, как и неотвратим термидор, призванный жестокими методами привести разбушевавшийся народ в чувство. Исторических примеров

“умиротворения” масс за прошедшие столетия накопилось более чем достаточно, и совсем не важно, что спустя годы стихия разрушительного народного гнева постепенно успокаивается, а перестроенная на иных началах экономика получает ускорение. Коллективная память, как стигматы на теле верующего, кровоточит при воспоминаниях о людях, чьи судьбы были изломаны в лихие годы. **Насильственное устранение элиты, хранителя знаний и опыта прошлых поколений, от участия в созидании выбивает невосполняемую интеллектуальную брешь в человеческом потенциале нарождающегося общества.** Новая “аристократия”, обладающая необходимым, а главное, востребованным профессионализмом и этикой, появляется трудно и не сразу, на её воспитание уходит не одно десятилетие. Процесс этот рукотворный и необычайно сложный, он во многом напоминает выращивание искусственного кристалла в лаборатории при соответствующем температурном режиме. И без общей высокой идеи, способной не только объединить активную часть населения, но и консолидировать его по качеству человеческого материала, не обойтись.

История Советской России – ярчайший тому пример. Зададим вопрос, кто явился социальной базой большевиков, совершивших переворот в октябре 1917 года. Молодой рабочий класс, который составлял менее 3% населения. В сельской местности, где проживало более 80 процентов граждан империи, об РСДРП никто не слышал. Организаторской и пропагандистской работой среди крестьянства большевики не занимались. Это поле “окультуривали”, и довольно успешно, социалисты-революционеры. Да и заниматься селом среди большевиков особенно было некому, в январе 1917 года в РСДРП насчитывалось всего около 24 тысяч человек.

В начале XX века, после событий 1905 года, руководство большевиков предпочитало бороться с царизмом, находясь в давно обжитых русской эмиграцией европейских столицах, где отношение к ним было весьма благосклонное. Если кто и отравлял жизнь будущих ниспровергателей старого мира, так это они сами себе. Переполненные амбициями, всё никак не могли выяснить в бесконечных спорах, кто же из них водрузит на своё чело лавровый венок в случае победы народного восстания. Особенно жёсткой была полемика между Лениным, Троцким и Мартовым – признанными лидерами российской социал-демократии. Патриарх революционного движения в России Г. В. Плеханов, немало сделавший для воспитания западников среди бунтарей, как стареющий лев, высокомерно держался в стороне от дерзкой и плохо воспитанной “молодёжи”, не одобряя, но и не вмешиваясь в их публичное выяснение отношений. Для Владимира Ильича в те годы Троцкий – “иудушка, подлейший карьерист, фракционер и проходимец”, а для будущего “демона” революции его основной оппонент – никто иной как “профессиональный эксплуататор всего самого отсталого и невежественного, что есть в рабочем движении России”. Сложно не согласиться, запоминающиеся образы создавали эти, без сомнения, талантливые публицисты и политики, **захватившие** волей судеб в 1917 году власть в огромной стране. Этот **“каприз”** истории неожиданно для всех сделал их соратниками, и дело, видимо, не только и не столько в способностях Троцкого. Были и другие, не менее веские причины, о которых до сих пор спорят историки, заставившие Владимира Ильича **“назначить”** его большевиком и поделиться славой вождя революции. Одна из них, не вызывающая сомнений, **тесные связи Льва Давидовича с единоверцами** в Англии и США, располагавшими серьёзными финансовыми и политическими возможностями в западном мире и имевшими разнообразные, как выяснилось, интересы в России.

Один лишь, по признанию Ильича, “чудесный грузин” и “пламенный колхидец”, уже тогда входящий в высшее руководство партии, не принимал участия в парижских “разборках”. Ему и без того хватало черновой повседневной революционной работы, и к тому же он был “невъездным”. Будущий генсек находился под постоянным контролем жандармерии и, по её любезному “приглашению”, начиная с 1903 года, постоянно гостил в разных регионах империи: в селе Новая Уда Иркутской губернии, дважды в Сольвычегодске, Вологде, Нарымском крае. А с 1913 года, вплоть до февральской революции, прозябал в затерявшемся за Полярным кругом маленьком селе Курейка Туруханского края, несколько домов которого были разбросаны на живописном берегу, где изломанная порогами быстрая речка впадала в полноводный Ени-

сей. Поверьте, я бывал в тех краях, это очень далёкие места, расстояния между деревнями немереные. Не единожды немногословный и упрямый Коба уходил в бега по зимнему таёжному бурелому. **Ссылка – это, конечно, не торга, но тоже суровая школа для людей действия. Она, несомненно, обогатила его революционный и жизненный опыт, позволила лучше, в отличие от парижских “сидельцев”, узнать и понять психологию русского народа, его державную роль в многонациональном государстве, о чём он сам впоследствии неоднократно говорил. Видит Бог, Иосиф Сталин был серьёзный человек, и он умел учиться!**

Октябрьская революция явилась типичным городским восстанием пролетариата, поддержанного анархистствующими солдатами и матросами, а таких только в Петербурге было более 250 тысяч, что, конечно, нисколько не умаляет её величия и всемирно-исторического значения. **Она не могла не случиться.** Ничьёмность русской буржуазии, поддержавшей февральский переворот, но не успевшей оформиться в национально мыслящий политический класс, была настолько очевидной, что полученная из рук беспомощного царя власть, по воспоминаниям современников, уже через девять месяцев, обессилена, “валялась на дороге”. **Созданное правительство, как выяснилось, не только по форме, но и по сути было временной властью переходного периода на пути от монархии к диктатуре. Осознание неизбежности такого поворота пришло довольно быстро в головы думающих людей. Только сильная военная власть в тот период могла спасти Россию от надвигающегося хаоса. Но истории для исполнения предначертанного свыше было почему-то угодно вывести с подмостков на авансцену именно диктатуру пролетариата.**

Я имею несколько отличную точку зрения от официальной доктрины, по-прежнему находящейся под влиянием советской историографии, где события того времени трактуются, как буржуазная революция. Факты же свидетельствуют иное. На первом этапе мы имели дело с **классическим переворотом**, совершённым по всем законам этого жанра руководителями партий кадетов и октябристов. Их активно поддержали **изменившие присяге** высшие генералы царской армии, представители буржуазии, а также обездоленные рабочие и солдаты, которым за два с половиной года так и не удалось объяснить, за что они воюют. **Куда же в России без человека с ружьём!** Переворот стал возможен, потому что о революции мечтали все: полная амбиций российская элита, желавшая иметь больше власти, к которой её не допускал царь и его двор, восторженная интеллигенция, как всегда очарованная Европой, а также революционеры, с их грёзами о новой жизни. И, разумеется, простой народ, отвергавший любую власть. Настаиваю, недоразвившаяся **русская буржуазия**, староверческая в своей массе, хотя и давно мечтала избавиться от некомпетентного диктата дома Романовых, но из-за своей малочисленности не могла организационно и, тем более, идейно, являться основной движущей силой, и потому приписывать ей весьма сомнительные лавры победителя не стоит. За ней стояли более могущественные силы. Итог известен. **В империи начался самый настоящий русский бунт, закончившийся братоубийственной гражданской войной, в которой не бывает победителей. Есть только захлебнувшийся кровью и побеждённый самим собой опустошённый и одичавший от безысходности народ.** “...Разъярённая толпа может ополчиться разом на правительство, богатство, порядок, свободу и право. За анархией, на развалинах, ею нагромождённых, явится её родной брат – деспотизм”, – провидел бурю 1917 года человек умеренных либеральных взглядов, великоросс Михаил Аничков. Он предостерегал, что “миру суждено перенести потрясения, подобные Парижской Коммуне, увеличенные во много раз”. Сбылось с лихвой!

В те решающие месяцы страны новая власть, как нищенка с протянутой рукой, стояла на перекрёстке дорог и ждала своего хозяина, пока, обессилена, не упала. А “временные” (разве это не приговор национальной элите) всё никак не могли решить, что с ней делать дальше. На минуту только представьте, если бы во главе правительства стоял Иосиф Сталин. Потому предпринимчивые большевики **своевременно** “подсуетились”, охотно её **подобрали**, не пропадать же добру. Правда, первое время тоже не очень понимали, с какого бока к ней подступиться, и потому, словно второго пришествия Христа, с нетерпением ожидали спасительной, как им казалось, мировой

революции. “Божественного” явления не случилось, и они, не особенно понимая, во что **вляпались**, решили идти до конца и распорядились историческим “капризом”, как могли. Получилось, по признанию многих, со временем не так уж и плохо, коммунисты не просто удержали на краю пропасти рухнувшую страну, но и построили сверхдержаву. **За ценой не постояли!** Именно это обстоятельство мучает до сих либералов всех мастей. Можно подумать, что революции в других странах обходились народу “дешевле”. Есть один простой выход — не доводить народ до бунта, но тогда “счетоводам” от политики нужно понимать, что эволюционный, или мирный, без потрясений, путь общественного развития стоит тоже не дешево. Представляете, сколько нужно вкладывать ресурсов в мозги подрастающих поколений, чтобы у них хватило ума бережно относиться к человеческой жизни и дарованному им предками духовному и материальному наследию.

Для современных разночинцев, очевидно, не является тайной, что в то смутное время не только дворянство, будучи на 60% нерусским, но и чиновники, техническая, гуманитарная и особенно творческая интеллигенция не поддержали октябрьский переворот, которому ещё предстояло стать революцией. Кстати, восторг после февральского переворота прошёл ещё быстрее, и не только потому, что после бурных митингов и демонстраций неизбежно наступила проза жизни. Временное правительство, не обладая надлежущей компетенцией, стало спешно реформировать систему государственных органов, имея слабое представление о конечной цели своих решений. Чиновный люд, привыкший к порядку, растерялся и возмутился, он не понимал, чего же хотят от него новоиспечённые руководители. В итоге не прошло и трёх месяцев словоблудия демократических правителей России, как вся система управления огромной страной рассыпалась, словно картонный домик.

А потом, как снег на голову, свалились большевики. Эти, как им казалось, всё знают. Многие “бывшие”, предусмотрительно спасая жизнь, стали спешно покидать страну, те же, кто вынужденно остался, первое время упорно игнорировали призывы встать в ряды победившего пролетариата, не веря в его созидательное начало. Понятно, вынужденное сотрудничество изначально не могло быть плодотворным; недоверие, отчуждённость были взаимными, и не без оснований. Саботаж буржуазных специалистов, в отличие от дворян, русских в большинстве своём, парализовал работу наспех созданных комиссариатов и исполнительных органов на местах. Вожди победившего “пролетариата” лихорадочно искали выход из создавшегося положения. Не случайно В. И. Ленин начал с “придыханием” относиться к грамотным евреям и проявлять о них трогательную заботу. Уже 8 ноября 1917 года Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов своим постановлением поручил Советам на местах принять энергичные меры к недопущению еврейских погромов. И это было не единственное решение в защиту “угнетённого” царизмом малого народа, другие-то, включая русских, ясное дело, жили при царе-батюшке припеваючи, да и революционный хаос их не коснулся. А ведь начавшийся **погром** был всеобщим, одних истребляли из-за социального происхождения, других — по иным основаниям. Иначе и быть не могло. **Звериные инстинкты, разбуженные в народе войной и революцией, развал страны, экономики, утрата нравственных начал самой жизни, обесценивание человеческой крови вылились повсеместно в чудовищные массовые преступления, которые совершали все противоборствующие стороны.** Но, тем не менее, уже 27 июля 1918 года в газете “Известия ВЦИК” публикуется “Декрет Совета Народных Комиссаров о пресечении в корне антисемитского движения”. По свидетельству А. В. Луначарского, когда Яков Свердлов с написанным им текстом зашёл к Ленину, тот со словами одобрения внёс ещё один пункт: “Совнарком предписывает всем совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить **вне закона**”. Любимое словечко Владимира Ильича в те годы. Из этого следует, что всё остальное насилие необходимо и оправдано революционной целесообразностью. Такова была новая мораль формирующейся диктатуры.

Страстным, обличительным словом неоднократно выступал в защиту еврейского населения Максим Горький, которого сильно встревожило почему-то именно их будущее в России. Хотя о чём это я говорю! Он всегда, ещё до революции, по-особому, трепетно относился к ним и никогда не скрывал своих

симпатий. Вот уж, поистине, **нельзя без горечи читать Горького тех лет.** В послесловии к книге С. Гусева-Оренбургского “Книга о еврейских погромах на Украине в 1919г.” Алексей Максимович, в отрочестве Алёша Пешков, с нескрываемой ненавистью писал о “грязных подвигах христоролюбивого русского народа”. Чего только стоят его откровения о “разительном обилии садической жестокости, присущей русскому народу, очевидно, по натуре его, — натуре раба, который сам способен бесконечно долго терпеть мучения и любит наслаждаться муками других тоже бесконечно долго”. И ещё одна, поразительная по своему человеческому цинизму мысль: “Еврейские погромы по энергии своей, несомненно, стоят на первом месте в ряду “великих исторических деяний русского народа”. И далее великий “гуманист” делает страшный по своей бездушности, особенно зная теперь, что русским довелось пережить, вывод: “Он заслужил все свои страдания в настоящем, заслуживает их в будущем”. А сколько ещё таких откровений у “титана пролетарской литературы”. Лучше бы не знать!

Будущие “комиссары в пыльных шлемах” по достоинству оценили демонстративное участие советского правительства в их судьбе, к тому же они были тотчас, в огромном количестве, **рекрутированы** вместо старых специалистов для работы в государственном аппарате на всех уровнях. Новая власть, как и при монархах, изначально была интернациональна по своему составу. Но тогда возле престола кружились всё больше немцы. А сейчас “на ловлю счастья и чинов” мгновенно слетелись, как вороньё на поле брани, представители “шайки подонков больших городов Европы и Америки”. Сигнал верховных правителей не только был услышан, но и правильно понят — **реальная власть в России, как бы она ни называлась, отныне принадлежала им.** В составе Политбюро ко времени XI съезда партии числилось пять человек, трое были лицами еврейской национальности — Троцкий, Зиновьев и Каменев, один грузин или наполовину осетин — Иосиф Сталин и сам Владимир Ильич, человек с весьма запутанной родословной и ещё более сложным восприятием России. Среди 22-х членов СНК РСФСР в середине 1918 года 17 народных комиссаров были евреями. Вплоть до 1921 года их доля в Центральном комитете большевиков не опускалась ниже 25%. Засилье было особенно заметно в среде руководящих партийных функционеров Петрограда и губернии, где они составляли 54% и 45% соответственно. Любопытная цифра — в 1923 году в Москве среди женщин — членов партии 25,4% были пламенные “Юдифи”. Эта публика, нужно отдать им должное, умело перехватила управление страной на всех уровнях власти, в том числе и на местах, и цепко держала её в руках почти двадцать лет.

Написал эти строки, и тотчас в памяти возникла мысль русского философа М. О. Меньшикова: **“Евреев не интересует форма власти, им нужна власть сама по себе”.** Характеризуя убийцу Столыпина Мордку Богрова, он писал: “...прошу заметить, что ни русская культура, ни христианская гимназия, ни христианский университет, ни знание нескольких христианских языков, ни полноправие с русскими христианами **не вытравили в нём еврейской души.** Он давно уже никем не был гоним, никакой черты оседлости не знал, давно был равноправен и богат, и всё-таки **ненавидел Русское государство по-еврейски...**”. Местечковые правители новой России припомнили мыслителю всё, в том числе жёсткую критику юдофильства ещё в царской России, и в 1918 году по требованию Троцкого расстреляли без суда и следствия.

Трагедия заключалась в том, что в феврале 1917 года, благодаря **измене аристократии,** к власти пришли люди, не представлявшие интересы русского правящего класса, которого, к несчастью, в России и не было. **Страна, не породившая своей национальной элиты, обречена, она неизбежно попадает в руки разных проходимцев, и тогда народ её ждёт потрясения.** Поэтому выход евреев на первые роли в период хаоса не случаен. Они ещё во второй половине девятнадцатого века умело воспользовались слабостью и некомпетентностью российских аристократов, которые имели немалые деньги, но не умели ими распорядиться. Финансовые операции, спекуляции на товарных рынках — какая проза! Не царское это дело. И когда на первых порах, как из воздуха, возникли услужливые посредники, “арендаторы” им очень обрадовались: не нужно ломать голову. Прошло немного времени, и шустрые помощники, бесцеремонно потеснив старших партнёров, взяли под контроль все основные отрасли экономики, создали мощные банковские и финансовые

группы. Ни одно важное государственное решение в обход этих “менял” принято быть не могло. Так что нам, русским, винить некого в наших несчастьях. Не случайно В. И. Ленин, осознав полную беспомощность профессиональных революционеров в хозяйственных вопросах, настоятельно требовал, чтобы большевики учились у буржуазии, читай – у евреев, торговать.

На первых порах способная и элементарно грамотная черноволосая молодёжь, что было чрезвычайно важно, пригодилась. Резко изменившееся социальное положение выходцам из западных губерний очень приглянулось, особенно служба в органах ВЧК, где они в жёсткой конкуренции делили власть с “латышскими стрелками”. В этом смысле весьма показателен для тех лет национальный состав чекистов на Украине, где 75% процентов были евреи, **а командные должности находились исключительно в их руках**. Ко времени создания ОГПУ в 1923 году они составляли почти 20% всех следователей центральной аппарата, **половину** следователей отдела по борьбе с контрреволюцией и высшего руководства карательного органа пролетарской диктатуры. Национальность уничтожаемых контрреволюционеров называть, видимо, не имеет смысла. **Нет ничего страшнее племенной ненависти, прикрываемой революционной целесообразностью. Пощады по отношению к русским они не ведали.**

Для евреев открылись такие возможности, о которых при ненавистном царизме и мечтать было невозможно. Очень интересно признание одного из наиболее почитаемых лидеров мирового сионизма, в прошлом, разумеется, “россиянина”, Владимира (Зева) Жаботинского. Он, не щадя мифологической “правдоверности” большевистских идеологов, предельно откровенничал в статье “Еврейская революция” (читай – Февральская революция) о причинах значительного числа – **“преизобилия** своих соплеменников в рядах крамолы”. Чтобы получить права, им нужна была революция, но, как писал он, “революции не было. Надо было вызвать её. И эту роль взяли на себя евреи. Они – легко воспламеняющийся материал, они – грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжёлой на подъём России”. Евреи, таким образом, явились “застрельщиками великого дела”, “разбудили политическое сознание в 130-миллионном народе”, “подняли красное знамя так высоко, чтобы увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома...”. Предельно ясно на эту же тему высказался М. И. Калинин, когда в ноябре 1926 года на Первом Всесоюзном Съезде ОЗЕТ в Москве прямо заявил: “В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, еврейская интеллигенция **хлынула** в канал революции, **заполнила его** большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления”. Через десять лет уже В. М. Молотов, являясь главой Совнаркома СССР, сам, вероятно, до конца не отдавая отчёта тому, что говорил, подвёл некий итог этому беспримерному в истории России захвату власти некоренным народом. На страницах газеты “Правда” 30 ноября 1936 года он удовлетворённо отметил: “Еврейский народ ... дал много героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает всё новых и новых замечательных, талантливейших руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма”. Наступивший 1937 год несколько по-иному **расставил** акценты и многим из этих “героев” **воздал должное за выдающиеся “заслуги”**.

Без евреев, неоднократно повторял после революции Ленин, мы бы погибли. Это была сплочённая и мощная группа населения, которая себя никоим образом не связывала с русскими и, тем более, не испытывала к ним братских чувств. Собственно говоря, а почему они должны любить чужой народ? Им есть кого любить – себя, избранных. В начале XX века “племенные” вожди вполне обоснованно решили, что настал момент истины. Вечных цивилизаций нет, вся история человечества вопиет об этом. Где Египет, Древняя Греция, Великий Рим, Священная Германская империя? Чем лучше Россия? На изломе эпох, решили они, **этнически рыхлые русские** наверняка не выдержат мощного напора малого, но сплочённого и, без сомнения, талантливого народа. Нужно отдать им должное, они почти добились своей цели. Евреи в двадцатые и первой половине тридцатых годов заняли в СССР нишу уничтоженного дворянства. **“Москва – местами Бердичев, – писал В. И. Вернадский И. Н. Петрукевичу, – сила еврейства ужасающая – а ан-**

тисемитизм (и в коммунистических кругах) растёт неудержимо". И для таких настроений были все основания. На XV съезде ВКП(б) Серго Орджоникидзе привёл любопытные цифры, характеризующие кадровый состав сформировавшейся партийно-советской номенклатуры по национальности. На Украине русских – 17,2%, украинцев – 54,3%, евреев – 22,6%. В Киеве процентное соотношение примерно одинаковое. В Белоруссии русских всего 4,9%, белорусов – 60,55%, евреев – 30,6%, в Минске – 38,3%. И так было повсеместно. Ничего не могу сказать, хваткие оказались ребята, но, как это было всегда, не удержались во власти. Проклятый рок! А может, всё закономерно – это и есть их судьба, с которой сложно спорить. **Не смогли они из своей среды выдвинуть в те годы явного харизматического лидера, способного затмить великоросса Иосифа Сталина, и вынужденно отошли в тень, ожидая своего часа. Как показало время, ждать они умеют.**

Вождь и народ – трагедия одиночества

Мы, как правило, забываем, что созидательная, творческая часть населения всегда численно мала, но значимость её в развитии человечества – абсолютна. Именно эти люди привносят в нацию энергию творчества, осмысленность в достижении высокой цели. Они хранители её лучшего генетического материала, прообраз будущего народа. Они же первыми, по закону подлости, гибнут в войнах, а в мирное время их свободомыслие и независимость вводят в исступление власти предрержащие, искренне верящие в своё мессианское предназначение. **Современные демократии, как видоизменённые формы деспотии меньшинства, увы, не являются исключением.** Талантливые и активные люди постоянно подвергаются остракизму. Трагический, насильственный уход из жизни пассионариев, заряженных на действие и, если нужно, самопожертвование ради достижения высокой цели, предопределил во многом и без того сложную судьбу русского народа в прошлом столетии, его нерешительность и неприкаянность в наши дни.

Задумаемся, во что обошлась России Смута прошлого века с её неизбежным равнодушием к человеческой жизни. Нет смысла повторять известные цифры погибших в "классовых боях", они не такие астрономические, как вопят на каждом углу идеологи "демократов", но и от реальных потерь у меня волосы дыбом встают. Чего стоят только политические репрессии, когда после окончания гражданской войны до 1953 года физически уничтожили почти 800 тысяч человек! Специалисты говорят, что это в "пределах нормы", в других странах, той же Франции в годы её революционного брожения, если брать процентное соотношение численности населения и жертв общественного "прогресса", цифры будут те же или значительнее. Интересно, с погибшими эти нормы согласовывали? А кто взвесил на весах горе изломанных человеческих судеб? Никакими разговорами о классовой борьбе и "пятой колонне", хотя глупо отрицать её наличие, не оправдать безумие того времени. Для меня это очевидно. В жесточайшей борьбе за власть "ленинская гвардия", которую с таким же основанием можно назвать и гвардией Льва Троцкого, как раненая змея, отгрызла себе не только хвост, но и голову. Честное слово, мне ничуть не жаль этих жестоких, своекорыстных маргиналов и фанатиков, цинично прикрывавших свершаемое злодейство революционной фразой. Но как же невыносимо осознавать, через какие страдания прошли сотни тысяч честных и работающих людей, чьё сознание не было замутнено бреднями о мировой революции, искренне поверивших в социализм, а значит, в справедливость в своей стране и погибших по злему навету.

И дело здесь не только в И. Сталине, культовом "злодее" современных либеральных мифов.

Истинные аристократы духа формируются поколениями, и даже в этом счастливом случае их единицы. Революции же рождают народных трибунов, героев, которым суждено погибнуть молодыми, хватких, беспринципных и аполитичных управленцев и, разумеется, будущих диктаторов, так как никто, кроме них, не в состоянии подморозить стихию народного бунта и направить её в русло созидания.

Почему стал возможным 37-й год? В репрессиях консолидированно были заинтересованы и местная, и центральная номенклатуры, укрепившиеся во

власти и не желавшие её терять. У Сталина объективно **не хватило сил** им открыто противостоять, он сам был на краю гибели. Опасность его физического устранения в 1937–1938 годах была реальной. Сегодня мы уже об этом знаем наверняка. Он вынужденно вошёл в этот неотвратимый “процесс” борьбы различных группировок и кланов за право распоряжаться от имени народа страной и **решил свои стратегические проблемы в преддверии войны**. Пришлось устранить “навечно” из политической системы “интернационалистов” с дореволюционным стажем, продолжавших бредить о мировом революционном пожаре и путавшихся постоянно под ногами со своими завиральными идеями; руководителей НКВД – организаторов террора в 20–30-е годы, которые, подобно паукам в банке, начали пожирать друг друга; и военных, мечтавших о лаврах Бонапарта. Не забыл и о хозяйственниках, не оправдавших его надежд, многие из которых элементарно проворовались. Жестоко? Да. Цинично? Скорее всего, но точнее – прагматично. По странному стечению обстоятельств, среди тех, кто был репрессирован с его согласия, оказалось большинство руководителей и сотрудников, как бы сейчас сказали, федеральных ведомств с еврейскими фамилиями, “рекрутированных” во власть руководством большевиков сразу после революции. Всё-таки цифры порой рисуют поразительную картину. Например, из 111 руководящих сотрудников НКВД русских было всего 25 человек, остальные же 86 должностей поделили между собой представители малых, но очень революционных народов. Евреи, конечно же, оказались на первом месте – 46 человек. В их составе 12 из 20 руководителей отделов и управлений центрального аппарата НКВД. Начальниками ГУЛАГа с 1930-го по 1938 год являлись исключительно выходцы из черты оседлости. А дипломатическая работа в послереволюционные годы была просто еврейской специальностью.

Большинство этих людей не пережили 1937 год. **Это не простится И. Сталину в веках. Не случайно его главные “разоблачители”, неутомимые борцы со сталинизмом, носят “большевистские” фамилии.**

Но что интересно, репрессии никак не отразились на положении простых евреев, не занимавшихся политической и государственной деятельностью в Советском Союзе. Академик Игорь Шафаревич со ссылкой на книгу Юрия Слёзкина в статье “О еврейском столетии” приводит любопытные социологические данные о том времени. Оказывается, в Ленинграде в 1939 году эта замечательная публика **выдвинула** из своей среды 69,4% всех дантистов, 58,6% фармацевтов и провизоров, 45% адвокатов, 38,6% врачей, 31,9% писателей, журналистов и редакторов, 24,6% музыкантов и дирижёров, 14,4% продавцов и 37,9% директоров магазинов. Всего в РСФСР евреи составляли 14,1% научных работников и преподавателей вузов, 1,8% школьных учителей и 19,6% всех врачей. Что ни говорите, способный народ!

Утверждение, будто террор был направлен против евреев, лукаво изначально. Более того, они пострадали значительно меньше, чем другие этнические группы, **проявившие** себя в годы революции. В 1937–1938 годах по политическим обвинениям было арестовано около 1% евреев, поляков – 16%, а латышей и того больше – 39%. Активистов “первого часа” репрессировали по политическим основаниям, но не по этническому признаку. Они сделали вид, что смиренно перенесли утрату своей “комиссарской” элиты, более того, приняли самое непосредственное участие в “зачистке” и, как ни в чём не бывало, продолжили своё восхождение к светлому будущему, благо, что все дороги для этого были открыты. Они по-прежнему, благодаря профессионализму, объективно были нужны государству. (9 марта 1953 года в Израиле сочли необходимым объявить национальный траур по случаю кончины И. Сталина, не найдя в его политической и государственной деятельности пресловутого антисемитизма. Кто сегодня помнит об этом событии, как и о том, что только благодаря СССР и, прежде всего, его руководителю евреи получили своё суверенное государство.)

И ещё позволю один вывод о Сталине. **Он убедил себя**, что жестокость и страх в эпоху модернизации страны и подготовки её к неизбежной войне, при дефиците оставшегося времени, наиболее эффективные методы управления и “убеждения” нового, наспех сформированного правящего слоя. Это моя версия причин репрессий в 30-е годы. Или всё-таки мы предпочтём оставаться жертвами пропагандистского тумана, и потому нам не будет дано

понять, что Сталин, **являясь творцом эпохи, носящей его имя**, ещё в большей степени был и сам **заложником тёмных, подлых сил**, которые всегда всплывают в ходе революций, как гнилотная тина со дна водоёмов в весеннее половодье. Что, кстати, и помешало ему оставить после себя в руководстве страны, возвеличиванию которой посвятил немислимую по тяжести и во многом трагическую жизнь борца, достойных преемников, а не моральных пигмеев.

Высшая партийная номенклатура не простила Генералиссимусу планов реформирования политической системы, где им отводилась совершенно другая роль. **Они не забыли и не простили Сталину его интеллектуального превосходства, всесокрушающей и часто немилосердной воли в достижении поставленной цели. Что поделаешь, отличался он от них “лица необщим выраженьем”**. Поэтому недоверие к ним вождя было совсем не случайным. У Сталина были все основания не доверять бывшим своим соратникам. За годы революционной борьбы, ссылок и тридцати пяти лет совместной работы в составе Политбюро и ЦК он слишком хорошо узнал их человеческую сущность, чтобы быть спокойным за дело своей жизни и будущей страны.

Ещё раз, вслед за Ф. Энгельсом, вынужден повторить, что все идеологии — суть ложное сознание. Эта аксиома марксизма, неведомая многим “верным ленинцам”, была знаком Сталину, как “Отче наш...”, как и понимание недолговечности самих идеологий. Показательно, но после Сталина в руководстве партии не было людей, глубоко понимающих теорию марксизма, имеющих своё, основанное на знаниях, представление о закономерностях государственного и общественного развития Советского Союза.

Сталин понимал, что не коммунистическая идеология, а патриотизм, сплотивший русский народ в годы войны, способен сломать хребет фашистской Германии. Это вождю принадлежат предельно откровенные слова, свидетельствующие о трезвом понимании происходящих изменений в душе и сознании людей, сказанные после битвы под Москвой послу США в СССР А. Гарриману: **“Вы думаете, они воюют за нас? Они воюют за матушку-Русь!”**

Смею утверждать, что Сталин реально оценивал достоинство и ущербность построенного под его началом общества. Гуманизма, терпимости, уважения к личности в нём было мало. Оно и не могло быть другим. О какой демократии и социализме можно было говорить, если все прожитые при нём годы страна жила в условиях непрекращающейся войны, где решался один вопрос — быть или не быть государству — Советскому Союзу **во главе с державным русским народом.** Именно так следует понимать цель и смысл сталинской политики, в том числе и национальной, особенно после войны. Я представляю, как кощунственно звучат эти слова для всех неутомимых кремлёвских борцов со сталинизмом и им сочувствующих. Ничем не могу помочь, господа. **Мы просто обязаны знать как можно больше правды о невыдуманном Сталине.** Не могу отказать себе в удовольствии взять в единомышленники знаменитого римлянина Цицерона, провозгласившего однажды: “Первый закон истории — бояться какой бы то ни было лжи, а затем — не бояться какой бы то ни было правды”. Сталин, как никто другой из политических деятелей России, воплотил в себе противоречивость двадцатого века, с его взлётами к космическим высотам человеческого духа и беспримерной жестокостью к ближним. И когда политологи, получившие от Кремля патент на грубую ложь и тотчас обнаглевшие от вседозволенности, нахально судят о его роли в развитии страны, не боясь поставить себя в глупое положение резонёров, то, объективности ради, они должны, хотя бы иногда, реально оценивать сделанное им **в конкретных исторических условиях. Он восстановил не просто государство, он создал великую державу.** В этом заключалось его историческое предназначение. И не надо говорить о мифических замках, которые Сталин **должен был построить по “просвещённому” мнению их — дилетантов,** живущих и разлагольствующих о вечных истинах добра и зла в совершенно иной эпохе. Когда они, не скрывая ненависти, рассуждают о культе личности вождя, неплохо было бы сначала **осмыслить саму личность и время,** в котором он жил и созидал. И, не боясь испачкать пухленькие “либеральные” ручки, перелопатить тонны исторической почвы, на которой произрос Советский Союз.

Первородный грех вождей раннего большевизма

Как ни прискорбно осознавать, уничтожение исторической России, русофобство было заложено *изначально* в советском проекте, и В. И. Ленин, ощущая себя скорее *“пророком”* интернационализма, а не русским политиком, сыграл здесь не последнюю роль. Напомню только его некоторые крылатые дефиниции, вызвавшие у меня в своё время при прочтении шок: “Мы завоевали Россию... победители часто попадают под влияние культуры побеждённых народов и перерождаются”. Это не вырванные из контекста фразы, в них выражена *его мысль*. Владимир Ильич, совсем не в пылу полемики, как это часто бывало с ним, честно признаётся, что они, *большевики, завоевали страну русских*. Ни много, ни мало. Кто завоевал и в чьих интересах, по моему, понятно всем – к чему лишние слова.

Совершенно неожиданным для многих после октябрьского переворота стало отношение А. М. Горького к большевикам и В. И. Ленину, с которым его связывала многолетняя дружба. Многогранную талантливость и волю Владимира Ильича он всегда отмечал и признавал. “Буревестник революции”, гениальный пролетарский писатель и, по совместительству, известнейший в России юдофил и русофоб, вдруг прозрел, когда воочию увидел первые плоды революции. Он пришёл в ужас от происходящего и, *забыв на время о своих дореволюционных симпатиях и антипатиях*, стал публиковать в редактируемой им газете “Новая жизнь” свои знаменитые “Несвоевременные мысли”. Горьки и поучительны его оценки и упрёки вождям победившего пролетариата. *“Народные комиссары, – писал он, – относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них – та лошадь, которой учёные-бактериологи прививают тиф для того, чтобы лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку... Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России – русский народ заплатит за это озёрами крови... Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников – его рабов. Жизнь во всей её сложности не ведома Ленину, он не знает народной массы...”*

Я цитирую лишь незначительную часть кричащих откровений знаменитого писателя, которые подвигли многих деятелей культуры и просто интеллигенцию пересмотреть своё отношение к Октябрьской революции. И хотя к маю 1918 года тональность его выступлений несколько изменилась, а после смерти Ленина, потрясённый, он напишет о нём свой знаменитый очерк, а впоследствии, увидев, что удалось сделать Сталину, станет одним из пророков советской власти, это совсем не означает, что написанное им ранее было неправдой. Примечательно, в дискуссию с Горьким тогда не вступил ни один из руководителей большевистской партии, в том числе промолчали и Ленин, и Троцкий. Что они могли возразить? Их контраргументы были бы небедительными, если не сказать больше – жалкими. От себя лишь замечу: *истинная трагедия России заключалась и заключается в том, что во все века власть никогда не знала и не хотела знать русского народа, его боли и чаяний*. А он хотел земли вдоволь, чтобы на ней работать, и воли. *Ему осточертела за сотни лет крепостного права любая власть*. Ленин, в чём и заключается его гениальность политика, пообещал и дал крестьянам землю, прекрасно понимая, что только этот шаг спасёт революцию. С этого момента история страны, как горная река после землетрясения, резко изменила своё русло, и её течение стало непредсказуемым.

Замена русского национального самосознания пролетарским интернационализмом – первородный грех вождей раннего большевизма, и это проклятие висит над Россией до сих пор. Мне вообще не очень понятно, зачем они, в ущерб русским, так рьяно защищали интересы малых народов, которые должны были, по их же представлению, исчезнуть в ходе мировой пролетарской революции. Полный абсурд, в который, как ни странно, многие верили. Этим и отличается вера от знания. Первый проект, не отрекаясь формально от ленинизма, сорвал И. Сталин во второй половине тридцатых годов. Он с 1934 года начал сворачивать “окультирные” эксперименты над Россией и решительно сделал ставку на русских, возвращая страну и народ в русло естественного исторического бытия и нравственных ценностей традиционного общества. Жестоко получилось, возразить нечего, но дальше

тянуть было нельзя — неотвратимо надвигалась война, в которой могли победить только настоящие патриоты Отечества, а не мифические братья по классу. Всплеск **русского национализма** остановил танковые армады вермахта. Представьте только на мгновение, что случилось бы с государством, последуй Сталин ленинской стратегической идее последовательной борьбы с пресловутым великорусским шовинизмом в национальном вопросе.

Не все, возможно, со мной согласятся, но “чёрная кошка” в отношениях между Лениным и Сталиным пробежала в значительной степени из-за разного понимания ими форм государственного устройства республики Советов и, в конечном итоге, роли русского народа в будущей стране. Владимир Ильич, так же, как и Сталин, постоянно декларировал в своих речах и статьях необходимость создания твёрдой государственной власти на основе сплочения всех входящих в неё национальных республик. Но, обуреваемый ненавистью к мифическому великодержавному шовинизму, склонен был именно через эту кривую призму рассматривать решение всех принципиальных задач в такой чувствительной, взрывоопасной сфере человеческих и общественных отношений. В письме Каменеву в октябре 1922 года он прямо заявил: “Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть”.

До сих пор непонятны истоки такой озлоблённости, тем более, для многих его современников и соратников было совершенно очевидным, что русскому народу в массе своей не свойственно проявление крайнего национализма. И даже в среде царской аристократии, не говоря уже о монархах, это были лишь отдельные случаи, они вообще не проводили особого различия между русскими и остальными народами империи, и в этом, как показало время, серьёзно ошибались. У Ленина же в последние два года перед обострением страшной болезни **особое** отношение к русским стало приобретать просто навязчивые и откровенно оскорбительные формы, что вызвало даже у грузина Сталина вполне объяснимое чувство протеста. Напомню его знаменитое: “Это не Ленин говорит, это болезнь его говорит!”

В отличие от многих партийных вождей Сталин прекрасно помнил и понимал, **в какой стране они завоевали власть**, и какую опасность представляет национальный сепаратизм малых народов, способный подрвать прочность создаваемого государства. В те годы он был уже зрелым, состоявшимся политиком, имевшим своё представление о стратегии развития страны, и потому вступил в принципиальную полемику с Владимиром Ильичом, забыв, что это смертельно опасно. Г. В. Плеханов, давший Ленину в 1918 году поразительно точную характеристику, отмечая массу его достоинств как признанного вождя, счёл необходимым отметить крайне болезненное самолюбие и абсолютную нетерпимость к критике. А. М. Горький тоже однажды заметил: “Всё, что не по Ленину, подлежит проклятию... каждый, кто в чём-то с ним не согласен, — потенциальный враг...”.

В советское время образ Ленина рисовался совершенно иными красками, исключительно светлыми. И в конечном итоге благодаря усилиям партийных идеологов был до такой степени искажён, что невольно возникало сомнение, как мог это маленький человечек, больше всего на свете любящий кошек и детей, совершить **такую революцию** и одержать победу в Гражданской войне, где не только о домашних животных, о людях-то не думали. А всё больше о власти и как её удержать в руках, родимую. Не знали мы, как выяснилось, благодаря неустанной заботе “сусловых”, ни Сталина, ни Ленина, ни правдивой истории Октября. Что было, то было, потому и приходится сегодня по штрихам воссоздавать великие образы.

Ленин не простил Сталину самостоятельности, жёсткой дискуссии на равных, справедливому, как показало время, обвинению в национальном либерализме. Жестокая была схватка, когда Сталин вдруг, неожиданно для многих соратников, превратился в того самого **держиморду всероссийского масштаба**, олицетворявшего, по мнению Ильича, всю реакционность и опасность русского великодержавного шовинизма. Подобными обвинениями Ленин хотел политически дискредитировать некогда “чудесного грузина” и поставить под сомнение его руководящее положение в партии. Конечная цель, убеждён, в этом и заключалась. Владимир Ильич, предчувствуя наступающую смерть, терял чувство реальности происходящего, контроль над собой, физические и интеллектуальные силы покидали его. И, самое главное, понимал, что он уже не способен контролировать ситуацию в партии и стране, бывшие

соратники начали **без него** самостоятельный путь в политике. **Сталин как раз и явился знаковой фигурой неумолимости наступления нового исторического времени.**

В той давней схватке по национальному вопросу победа осталась за Лениным, но лучше бы её не было. На 12-м съезде партии в выступлении Сталина были озвучены мысли и политические установки грозного оппонента; правда, свою точку зрения об опасности сепаратизма он всё-таки высказал. История полна парадоксов, ей почему-то было угодно, чтобы именно Сталин стал формально отцом-основателем нового союзного государства. Все основные доклады на X съезде Советов РСФСР и на I съезде Советов СССР делал генеральный секретарь ЦК ВКП(б), но в Декларации об образовании СССР были сформулированы не сталинские, а ленинские принципы объединения республик. Идея “автономизации” как основного принципа объединения была навсегда похоронена, борьба с великодержавным русским шовинизмом, а по сути — с национальным самосознанием державного народа, получила конституционную поддержку. **“Рогатая мина” национализма малых народов** отправилась, благодаря В. И. Ленину, в долгое плавание по бескрайним просторам Советского Союза. В период борьбы Хрущёва с так называемым культом личности всячески выпячивались якобы ошибки Сталина в тот период, с большой фантазией изображались те неисчислимые бедствия, которые неизбежно встали бы на пути государства, восторжествуя его позиция. **Распад СССР позволяет нам сегодня без лишних эмоций понять суть политических разногласий двух вождей и то, кто из них реалистичнее оценивал ситуацию в России и предлагал более жизнеспособные принципы государственного строительства.** Прав был великий мыслитель древности Фалес, сказавший однажды: “Мудрее всего — время. Ибо оно раскрывает всё”.

Победа над фашистами позволила Сталину хотя бы отчасти переформатировать страну, но отпущенное ему провидением время истекало. И хотя после его смерти во главе партии и государства находились славяне, но русского духа в них почти не было. В идеологической работе партии, начиная с Двадцатого съезда КПСС, всё заметнее становилась роль и заветы обижённых вождем “теоретиков” пролетарского интернационализма, призывавших любить угнетённые народы больше, чем “мать родную”. А к началу восьмидесятых годов почти все средства массовой информации, сфера литературы, театра и кино контролировались не столько партийными органами, сколько соплеменниками троцкистских комиссаров с партийными билетами, имевшими счёты с недавним прошлым и свои взгляды на будущее. **Желание взять реванш за проигранные ими тридцатые годы стало приобретать зримые черты.** Именно в те годы совсем не случайно возникла провокационная идея формирования новой, по сути наднациональной общности — советского человека. Почему провокационная, спросите? Отвечаю, **новую “общность” нельзя создать в условиях множества динамично развивающихся национальных культур, способствующих пробуждению национального самосознания народов, населявших СССР.** Тем более партия и государство этот процесс активно поддерживали.

Путь был только один: **“выращивать”** советского человека, как искусственный кристалл, на основе биологически и духовно доминирующей нации — русской. В любом случае процесс занял бы многие столетия без гарантированного успеха. Пример тому США с их политикой “плавления котла” и пресловутой мультикультурностью, от которой взвыл уже весь западный мир. Если не лгать, то американцами считают себя только потомки первых переселенцев. Кто скажет, какая их доля сегодня в многоцветной Америке, где в южных штатах из-за неконтролируемого наплыва мексиканцев основным становится испанский язык?

Догадывались ли авторы о несостоятельности своей “революционной” идеи, которую они поспешно вложили в уста добрейшего, но ничегошеньки не понимавшего в вопросах теории Л. И. Брежнева и закрепили для надёжности решениями съезда КПСС. Не могу утверждать категорически, что двигало ими, не знаю. Возможно, элементарное желание “блеснуть” умом и оставить след в марксизме и, разумеется, сделать очередной рывок в карьере. К сожалению, никто после распада СССР публично не признал своей причастности к этому “изобретению”. Исключительно из скромности, полагаю. Но мы-то сегодня понимаем: **это был самый настоящий диверсионный акт в облас-**

ти национальных отношений. Проект не удался, много было допущено концептуальных ошибок в постановке задачи, исходных данных и в сроках исполнения. Вред нанесли колоссальный, успев окончательно искорёжить активно возрождающееся самосознание русских, только почувствовавших себя великой нацией.

В России резко сменилась роза ветров, вновь наступили смутные времена. Дикое поле постепенно поглощает её леса и равнины. И самое непостижимое, как стремительно возвращается, кажется, навсегда забытое варварство. Поразительно мало понадобилось лет, чтобы, однажды проснувшись, мы не узнали друг друга. У меня сложилось устойчивое мнение, что большинство моих соотечественников основательно продрогли на сильном либеральном сквозняке, более того, многие умудрились ещё и основательно “простудиться”. На лицах появился явно выраженный похмельный синдром, лихорадочный блеск глаз свидетельствует о постоянном стрессе и психологическом дискомфорте у среднего и старшего поколения, наркотическая ломка наблюдается у четырёх миллионов молодых людей, лишивших себя будущего. В итоге современное общество имеет опасный диагноз – всеобщую устойчивую тяжёлую астению, а это серьёзное заболевание. К тому же мы прекрасно знаем, самое опасное при простуде – осложнения. Они неизбежны, когда иммунная система даёт сбой, и неожиданно начинают страдать жизненно важные органы. Разве не свидетельствует о том, что наша душа поражена вирусом, когда за последние два десятилетия у нас развился самый настоящий комплекс неполноценности, присущий только малым нациям! Пропагандистская машина либеральной власти просто задолбала всех рассказами о нашей вековой отсталости, несовершенстве, интеллектуальном убожестве, неспособности жить “цивилизованно”, по нормам европейских стран. Понятное дело, для патентованных “цивилизаторов” Россия по-прежнему, как для К. Маркса – Татария. **В итоге мы сегодня напоминаем людей, неожиданно лишившихся памяти, волею случая оказавшихся ночью на железнодорожном вокзале в незнакомом городе, где никто из служащих не удостоился повесить расписание движения поездов дальнего следования.** Скажете, излишне драматизирую. Нет, это та неприятная реальность, о которой многие из нас, погружённые в ежедневные заботы повседневного выживания, упорно стараются не думать или стыдливо не замечать. И уж тем более не хотят признаться, что они потеряли ориентировку во времени и пространстве и вообще не знают, куда ехать. А ведь на руках малые дети, в них и только в них сокрыто будущее нашего рода и всей России. Опасность ещё заключается в том, что длительная привычка жить в состоянии угнетения национальных чувств накапливается в обществе, как стронций в почве, и у последующих поколений проявится уже в виде **устойчивых рефлексов поведения.**

Крайне важно понять, **осознают ли 80% граждан России, что они не просто россияне, они – русские.** И какое значение для них имеет этот бесспорный биологический и юридический факт. Есть или нет на уровне подсознания понимание, что в жестоком мире можно выжить только благодаря поддержке своего народа. В минуту опасности у тебя должен мгновенно сработать определитель: “свой—чужой”. Это и будет сигнал, чтобы всё бросить и прийти на помощь. Есть ещё один показатель здоровья нации. Тот самый, более полутора веков высмеиваемый западниками, вечный русский вопрос. Кто мы, откуда пришли и куда идём? Он потому и вечный в России, что каждому поколению приходится решать его самому. Неплохо, конечно, если ты уверенно стоишь на сильных плечах своего отца и деда, тебе дорога их вера и прожитая ими жизнь. А если, как сегодня, под тобой пливун, и тебя, того гляди, засосёт трясины национального небытия?! И в это самое время, я убеждён, совсем **не случайно всплывает знакомая нам идея создания новой общности, но теперь, понятное дело, уже не советского, а российского народа.** И новоявленные “эксперты” ловко подбрасывают её Дмитрию Медведеву, которому она, как в своё время Леониду Ильичу, явно приглянулась своей новизной. Охотно откликнулись на “божественное” озарение президента и главы национальных республик. Сделав изящный, насколько позволяет комплекция, полуприсед с поклоном, они слаженно запели в один голос в надежде, что будут отмечены за единомыслие высочайшим поощрением, хотя бы в форме дружеского похлопывания по плечу. Но не только. Все как-то сразу подумали о главном – **под новую блажь неплохо было бы увеличить федеральные**

дотации. И потому с большим жаром стали сетовать, что у них серьёзные проблемы с изучением в школах родного языка, нуждается в срочной поддержке безумно талантливая местная интеллигенция и, разумеется, требует ремонта обветшавшая материальная база объектов культуры.

Конечный смысл стенаний таков. Российский человек, “россиянин” — это как раз то, что им всем очень нужно, о его появлении на дичающих просторах Евразии они и их предки, сидя в ночи у костра, мечтали сотни лет. Но “ковать” его предпочтительней через развитие духовной жизни и самосознания малых народов. Должен признаться, послушав внимательно новых национальных руководителей, я пересмотрел свои взгляды на эту публику. У них хорошо развитый хватательный рефлекс, они знают, чего хотят, и при этом продемонстрировали грамотный, прямо-таки большевистский подход с железной системой доказательств. Подумайте сами, кто же в своём уме, да ещё при либеральном президенте, будет протестовать против развития творческого потенциала ранее “угнетённых” царизмом и особенно ненавистными коммунистами малых этносов. В одном только местные вожди прокололись: они с такой скороговоркой, как бы между делом, напоминали о проблемах русских, что у меня создалось впечатление, а не мешаем ли мы им, 20% населения страны вместе с Д. Медведевым?

Куда гоните лошадей, господа? Посоветуйтесь сначала у себя, хотя бы со старейшинами своего рода, и, на всякий случай, не плохо бы спросить мнение на этот счёт самих русских. Вдруг они, как и я, захотят, чтобы дети наследовали не только фамилию отца и недвижимость, у кого она есть, но и принадлежность к нации своих замечательных предков, их традициям, обычаям, завораживающим детские души сказкам и мифам о былинных героях. Я мечтаю бережно передать маленькой дочке и внучке наш общий Русский мир, так же, как передала его мне незабвенная моя матушка, Екатерина Сергеевна, простая и великая русская женщина, казачка, нахлебавшаяся в жизни не по своей вине “слезы, как сырца”.

Век-волкодав жестоко отметился не только на судьбе революционеров и знаменитых поэтов, он многих на Руси породил с горем, лишив навсегда душевного покоя и оставив в назидание о себе души, израненные в кровь. Мне было от роду четыре с половиной года, когда мама бережно посадила меня на коня и, шлёпнув его по крупу, сказала неведомые досель слова: “Скачи, казачок!” Я на всю жизнь запомнил, спасибо детской незамутненной памяти, какими лучистыми в тот момент были её серые, всегда тревожно наблюдавшие за мной глаза и какой радостной — улыбка. Она как-то широко, свободно повела рукой, словно отдавала лично мне огромное, с дурманящим запахом июльских трав, поле за околицей и виднеющуюся вдаль темную синеву бесконечной тайги. По прошествии многих лет я с трудом, но всё-таки узнал от неё, какого я роду-племени, и что “батюшка Дон” очень много значил в судьбе моих воинственных предков, сгинувших в круговерти гражданской войны и лихие тридцатые. Сибирь приютила немногих, оставшихся в живых после расказачивания, надёжно укрывала и согрела своими снегами. **Мамин жест говорил мне — этот прекрасный мир, сынок, от родимого Дона до Оби, твой. Не бойся, живи в нём, храни его и помни имя своё. Господь с тобой!**

Все разговоры, что не только русские создавали страну, от лукавого. Глупая и безответственная демагогия! Конечно, не одни, но уберите русских из России, и что от неё останется? Всё в России сделано нашими руками. Тысячу лет пахали землю, воевали с басурманами всех мастей, строили новые города и заводы, запускали в космос ракеты, открывали богатства Сибири и Севера — обустроивали свою жизнь, думая о будущем своих внуков, и были горды тем, **что у них тоже будет дел невпроворот.** А ещё радовались, что на глазах менялась не только своя, но и жизнь всех людей, независимо от разреза глаз и цвета волос, с которыми свела непростая судьба страны и с которыми делились в трудные годы последним куском хлеба. Непросто быть старшим братом в этой жизни, но таково **Провидение**, и не следует нам ставить под сомнение его благодать.

Есть, господа “экспериментаторы”, неотъемлемые, равные для всех гражданские права, в том числе и для представителей так называемых малых народов, шагнувших уверенно в XXI век благодаря русским. Но мир, любезные, испокон веков, пусть и неохотно, но всегда считался с “правдой боль-

ших батальонов”, неоспоримой силой и логикой больших цифр, которые не требуют никаких доказательств. Русских много, в четыре раза больше, чем всех остальных, вместе взятых — докажите, что это не так. А великороссов, воспитанных на ценностях нашей культуры, ещё больше. **Поэтому без русских нет и не может быть России, и уж тем более великой, а на меньшее положение в мире мы не согласны.** Привычка, знаете ли, ставшая важной чертой до сих пор формирующегося национального характера.

Историческая роль и предназначение русских как державной нации должны быть закреплены Конституцией, как бы ни заходились в истерике русофобы. Речь не идёт о создании Русской республики, эту губительную идею нам постоянно подбрасывают в надежде, что мы на неё “клюнем”. Объявление суверенитета Российской Федерации в начале 90-х годов послужило началом обвала СССР. Не сомневаюсь, среди нынешней “элиты” немало желающих повторить тот же сценарий. “Гранты” нужно отрабатывать. Но мы, как говорил юный Владимир Ульянов, **пойдём другим путём.** Наша задача — сломав гражданскую инертность, сформировать национальное правительство во главе с лидером государства, не стесняющимся своего великоросского происхождения и осознающим ответственность перед народом и государством. Нам предстоит настойчиво формировать национальное самосознание, что немислимо без восстановления национальных форм бытия, развития образования и общей культуры во всём её неповторимом многообразии. Народу должна быть возвращена, если хотите, по крупницам историческая память, а это сегодня уже не так просто сделать. Кто только не уродовал, не переписывал на протяжении веков историю России. Многие преуспели на этом поприще и в двадцатом веке; чего стоят только ранние большевики с их нескрываемым русофобством и “хазарским” интернационализмом, да и не обременённые великоросской этничностью “поздние” коммунисты недалеко ушли от них. И, конечно же, “демократы”, ничем не отличающиеся по экстремизму от первых — все они подстраивали историю под свои сиюминутные утилитарные интересы. За малые российские этносы я не волнуюсь — у них, благодаря благодущию “великодержавных шовинистов”, племенное этническое начало даже зашкаливает, и неплохо бы в интересах страны его слегка “подморозить”. Но цель у нас с ними одна — мы должны **все вместе** сберечь Русский Мир, этот уникальный духовный и географический космос, ставший для всех этносов общим домом, где никто не был сиротой и по прошествии веков не потерял своего лица.

Воля как метафизика загадочного русского характера

Огромное пространство не пугало — оно неодолимо влекло к себе. В середине XVII века население России едва достигало 7–8 млн человек, а территория, находящаяся под царским скипетром, была уже равна 75% нынешней. Еще никто не ответил на, казалось бы, простой вопрос: как удалось при столь скромной численности Московии, которой ещё предстояло стать Россией, освоить пространство, заселенное сотнями племен, а те, мягко говоря, встречали первопроходцев без хлеба и соли и не устраивали по этому случаю народных гуляний. Не говоря уже о засветившимся в истории хане Кучуме, с полным основанием считавшим себя истинным повелителем Земли Сибирской, и его войске, состоявшем не только из сибирских татар. Оно было боеспособным и несравнимо по численности с прибывшими казаками Ермака. Это был не обычный разбойничий поход за зипунами на Туретчину; пограбили города, прихватили с собой полонянок, побросали их вместе с баулами в челны и быстрее назад, в родные степи по Чёрному морю поплыли. В XVII веке в Сибирь, вслед за Ермаком, тотчас пришло русское самодержавное государство со своим интересом и начало по-хозяйски обустроить земли, всегда имея под рукой кнут в лице царского войска. Но не только тяга к свободе от гнета князей и бояр, а **неосознанное стремление к ничем не ограниченной воле** заставляло десятки тысяч, увы, нам неизвестных людей сниматься с насыщенных мест, бежать на Дон, а затем вместе с другими казаками отправляться в неизведанные земли до самого моря-океана. Стратегические же замыслы братьев Строгановых и им подобных были для первопроходцев делом вторым.

Мечта о другой жизни, волюшке, воспетой в песнях, оказалась более мощным стимулом освоения евразийского пространства. **Такое психологическое состояние человека могло возникнуть только в среде огромной массы недовольных жизнью людей, не пожелавших мириться с социальным, как теперь принято говорить, гнетом и унижением человеческого достоинства. Стремление к воле – это метафизическая форма массового протеста народа против господского ярма, тягостного и невыносимого в повседневной жизни.**

Удивительный народ мы, русские! Все мировые философии и идеи, падая к нам в Россию, странным образом преломляются в сознании и поведении людей. Увлекаемся Вольтером и Дидро, Декартом и Гегелем, вместо икон в красный угол ставим Маркса и Энгельса, а на выходе всегда жёсткое авторитарное правление и, как итог, вновь борьба не на жизнь, а на смерть с государством за свободу или бегство от ненавистной власти. Объединяют только войны, необходимость победить злого врага, но уже на следующий день – котомку через плечо и в путь-дорогу. Огромное количество больших и малых крестьянских войн и восстаний, порой потрясавших империю, тому убедительнейшее свидетельство. По количеству бунтов мы, пожалуй, впереди планеты всей. К счастью, после подавления восстания было где скрываться. И не только в донских степях. Бежали в Дикую степь, на окраины государства Российского, не всегда ведая, где его границы, но лишь бы подальше от ненавистной власти. **Беглецы от ярма – вот истинные создатели империи.** Их непокорность, сила и мужество при преодолении невзгод нам, сегодняшним нытикам, просто непонятны. Нет в нас жажды неукротимой свободной жизни. А таких, в конечном итоге, уже тогда были сотни тысяч.

Вспомним и продвижение России на Юг. Сотни лет степняки, жившие набегам, методично и жестоко терзали славян. Казанское, Астраханское, Крымское ханства, Большая Орда, Ногайская Орда грабили и дотла сжигали города и села, включая Москву. Все невольничьи рынки на Востоке были забиты славянами. Десятки тысяч девушек и молодых женщин, проданных в гаремы, вынужденно улучшали генофонд неказистых степняков и подданных Османской империи. Поэтому, ничего не забыв, русские, набрав силушки и злости, с особым удовольствием гоняли по степи ненавистных “басурман”, изгоняя своих исторических врагов в дикую Азию. Здесь, конечно, славно послужили народу православному казаки, о происхождении которых до сих пор спорят историки. После распада Золотой Орды много разноплеменного народа, получившего “вольную” от чингизидов, шаталось по Дикой степи.

Немало собралось там и потомков южных славян, предоставленных самим себе после уничтожения Киевской Руси, а в более позднее время холопов и крепостных крестьян – беглецов от князей и русских царей, не отличавшихся особым милосердием к соплеменникам. Основным занятием воинствующего народа, своеобразных профессиональных “псов” войны, стали набеги на роды и селения и, чего скрывать, грабежи своих же православных. Наиболее знаменитым и незабвенным в народной памяти остался Степан Разин. Этот казачий атаман не просто грабил заморских и московских купцов, он совершал опустошительные для персов и турков походы на их земли. Историческим фактом является его попытка овладеть Дербентом, где расположился крупнейший на юге невольничий рынок, забитый славянами. Город не просто разграбили, казаки на два года парализовали доходный бизнес работоторговцев. Та же участь постигла Баку и резиденцию персидских шахов Ферах-Абад, построенную самим Аббасом Великим. Великолепные дворцы, гордость властителей Персии, были полностью разграблены, а на обратном пути казаки умудрились потопить огромный флот противника, явно недооценившего их военную мощь.

За такой успешный и выгодный для набиравшего силы государства разбой, по примеру английских монархов, нужно было московскому царю жаловать атамана щедрыми наградами и адмиральским чином. **Не сподобились, не захотели снизить, а зря.** Не начал бы тогда Степан Разин серьёзно грозить Московии и устанавливать свои порядки на подконтрольных ему территориях, и не сложил бы вместе с младшим братом буйную голову 6 июня 1671 года на Лобном месте в стольном граде, преданным своим крестным отцом, войсковым атаманом Корнилой Яковлевым и казачьей верхушкой. Многие столетия отношения с русскими правителями у казаков были сложные, а их

предводители были не прочь половить рыбку в мутной водичке. Не случайно они были рядом со многими самозванцами на Руси – от Лжедмитрия до Емельяна Пугачёва. Люди вольные, воины по призванию, они решительно вышли за красные флажки патриархального мира, установили свою форму правления – **военную демократию**, унаследованную от древних славян, и больше жизни дорожили независимостью. Но вечно так не могло продолжаться. Москва стремительно набирала силу, её интересы были обращены во все стороны света, в том числе и на юг. Что и понятно, уж больно места там были привольные и плодородные. Здесь-то и сыграли свою роль славянские корни и вера православная. После подавления восстания Кондратия Булавина Пётр I понудил казаков подчиниться его власти, и стали казаки верой и правдой служить России, расширяя её жизненное пространство, оставив за собой, как бы сегодня сказали, особый правовой статус.

Говоря о психологии русских тех веков, нельзя забывать о двойственном влиянии религии на формирование национального самосознания и характера православных. После падения Византии Русь вполне обоснованно мыслила себя великой и последней в мире державой, чей долг защищать христиан от “басурман” с их магометанской верой. Культивировалось чувство превосходства и над католицизмом, с которым разошлись на века. Мессианство русской церкви – мощнейший фактор формирования всееленского сознания русского человека, его активности, обращения во внешний мир, к сожалению, в ущерб обустройству своей страны. Особенность православия проявилась в его чувственном обращении к Богу, стремлении понять его сердцем, а не разумом. А там, где нет холодного рассудка, не рождаются философы, желающие понять, объяснить и ниспровергнуть вечные истины, не появляются философские учения с их безбожием, системным и рациональным взглядом на окружающий мир. Созерцательность православия сформировала не только религиозное сознание народа, но и соответствующие устойчивые нормы его поведения.

Не забудем и об усилении восточного менталитета в психологии русского человека. Со времён Батыева нашествия **Русь вынужденно попала в другой поток историческое времени.** И поэтому та же многократно сожжённая Москва возрождалась из пепелищ славянами, но уже с иной душой, “подпорченной” кочевниками. Оставшиеся в живых после набегов кочевников люди, спасая себя для будущего, уходили в дремучие леса, на север, где их сложно было достать. Народ делал вид, что он замер, заснул летаргическим сном, отключив сознание. А сон разума, как известно, порождает чудовищ. Но, однажды проснувшись, он отправил в небытие Золотую Орду со всей её бесчисленной конницей, прожорливым населением, мамами и тохтамышами, пожелавшими “сесть” на Москву. Время показало, что для степных империй вредно находиться по соседству с русскими, долго не живут. Но беда не ходит одна, не успели славяне порадоваться освобождению и оглядеться вокруг, как тут же попали в лапы собственных князей. Находясь под каблуком татарских муз, те научились за три века многим коварным восточным премудростям. Да и сами татары никуда не делись, привыкли к Руси – неплохо им здесь жилось, обосновались, корни пустили, смешали кровь. Многие знаменитые дворянские фамилии в Российской империи имели татарскую родословную.

Будем объективны, степняки преподали нам хороший урок, период разобщённости и слабости постепенно был преодолён, и на огромных просторах выросло мощное централизованное государство, ставшее при честолюбивом Петре I империей. А империи не могут существовать, не расширяясь. Будучи, как бы сегодня сказали, глобалистом, самодержец не только изо всех сил старался прорубить окно в Европу, строил корабли, воевал, но и постоянно обращал свой орлиный взор на южные земли и населявшие их народы. Здесь и пригодилась полученная азиатская “прививка”. Восток и жестокие нравы его коварных правителей не вызывали уже растерянности у русских военных и дипломатов, они на генетическом уровне понимали, с кем имеют дело. И отвечали тем же, но ещё более изощрённо, чем ввергали порой восточных деспотов и их подданных в состояние шока. А для русского солдата, который с лёту учился военной хитрости у “супротивника”, было изначально, ещё до великого Суворова, понятно, что воюют не числом, а умением, а смелость города берёт.

Азиатская политика России была более изощрённой и эффективной, чем европейская. Понятно почему. В отношениях с королями западных стран российские монархи старались быть европейцами, предстать перед родственниками во всей аристократической красе, полагая, что немецкая кровь в их жилах — лучшая рекомендация благородству их намерений. Но, перефразируя известный афоризм, можно с известной долей цинизма утверждать, что в большой политике нет ни родственников, ни постоянных друзей — вечными являются только интересы. Европа в этом смысле **классический образец прагматизма и национального, по сути племенного эгоизма**. Пока Русь страдала под монголами, здесь набирались сил и готовились к войне за место под солнцем. Последовавшие четыреста лет жестокой борьбы доброго десятка народностей между собой за территорию и сферы влияния запустили мощный механизм развития этнического национализма. Будущие европейские нации формировались не только в городах, на заводах и фабриках, но и на полях сражений и, разумеется, в колониальных войнах. Почувствовать себя великим испанцем, французом или англичанином значительно проще, торгуя африканскими рабами, отстреливая ацтеков и гоня североамериканских индейцев по лесам и прериям. Всё смешалось в Средние века: и титаны Возрождения, предвосхитившие духовный и интеллектуальный взлёт человечества, давшие мощный толчок развитию науки и культуры, и зачатый колониальным золотом, вкупе с еврейским капиталом, капитализм с его потребностью в техническом прогрессе и избыточной рабочей силой. И, наконец, гордо заявившее о себе национальное самосознание народов, породившее бессознательный эгоизм превосходства одних наций над другими.

Чем закончилось доведённое до абсурда прославление «племенного» германского духа в XX веке, нам известно — Второй мировой войной. **Просвещённая Европа стыдливо помалкивает, разумеется, от чистоты идейных и нравственных побуждений, что на протяжении длительного времени многие её государства были расистскими**. Именно поэтому фашистские теории нашли такое огромное число сторонников среди творцов и знатоков мировых философских учений, поэзии и литературы. И столь же определённо идеи национального превосходства выразились во внешней политике государств. Они не ведали сомнений в том, что делать с миром — захватывать и переделывать жизненное пространство под свои интересы. Фашизм в Европе не случайное явление, его приход был подготовлен всей прошлой бурной и противоречивой историей. В Италии, Германии, Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, а после немецкой оккупации и во Франции, Бельгии, Голландии, Нидерландах, Дании — везде правили фашистские режимы. У Запада нет вечных истин — есть только цель, которая, естественно, оправдывает используемые для её достижения средства. Вчера — буржуазная демократия, фашизм, сегодня — права человека, толерантность и глобализм. А завтра будет то, что соответствует вечным интересам правящей элиты. И кто сказал, что нацизм для Европы прошлое?

А теперь на мгновение представим себе, что на дворе XVIII—XIX век, когда Европа уже осознала себя великой, центром земной цивилизации. И вдруг, на фоне этого честолюбивого торжества человеческого духа и всепоглощающего материального интереса — какая-то Россия с византийскими амбициями её царей и дворян, искренне убеждённых в своём кровном и духовном с ней родстве, и заставшим в патриархальном безвременье народом. Неизвестность всегда вызывает у человека настороженность, страх, переходящий в слабо мотивированную враждебность. Прошедшие века «добрососедских» отношений, к сожалению, не прибавили ни на грамм доверия между нами. Европейцев, конечно, можно понять. Подумайте сами, упитанный, румяный народ, красивые, ухоженные города и деревеньки и, в кои веки, никаких войн на своей территории последние 65 лет. И, над всем этим рождественским великолепием периодически нависает с востока, сверкая молнией, огромная лиловая туча, как им кажется, грозящая смерчем. Но политики, которых американцы постоянно одёргивают за фалды, себе на уме, не спешат успокоить обывателя, преследуя свои, давным-давно сформулированные цели. Ну как же, такая богатая земля, особенно легендарная Сибирь, а кому досталась? Несправедливо. Единственная в мире территория, не «освоенная» всеядным Западом. Даже Китай, не говоря уже об Индии, не избежал колониального грабежа. С Россией всё как-то не срастается, и европейцы растерянно воз-

мущаются – нарушается понятный им естественный порядок вещей в мире. Они ощущают дискомфорт, появляется тревога, нарушается сон, начинает мучить аритмия. Нам же, русским, всё это кажется просто смешным и, более того, ненормальным. Мы рвём на себе тельняшку и пылко говорим сомневающимся: нам ничего от вас не нужно, господа, у нас, в принципе, всё уже есть, правда, не для всех. Если в чём и нуждаемся, так это в отмене виз, а в случае необходимости для некоторых получении вида на жительство.

А ведь причина отчуждённости, казалось бы, давно понятна: **мы не европейцы, и не азиаты, а евразийцы, и потому у нас иная ментальность.** Это ведь ко всем нам уже почти два века взывает Александр Сергеевич: “Поймите же, Россия никогда ничего общего не имела с остальной Европою; история её требует другой мысли, другой формулы...”. Понимаю, что мысль эта всегда вызвала чувство протеста у наших западников, тем более, очень огорчает нынешнего президента. Чувствуется, он свято верит в свою мечту проснуться однажды европейцем; возможно, для него это и есть национальная идея, которую мы, слепые, всё ищем и никак найти не можем. Ничего в этом желании плохого нет, за окном XXI век. Хочешь быть – будь, а нам позволено остаться русскими. Вслед за победоносным Александром Васильевичем Суворовым готов кричать на всю планету: **“Я русский, какой восторг!”** Россия самодостаточна и экономически, и духовно, но нам близки географически и понятны психологически чуждые цивилизации. И в том наше своеобразие, которым, к сожалению, не всегда умеем пользоваться.

И ещё один хорошо известный фактор – Русь моложе Европы, созданной в пятом веке на осколках Римской империи, **мы живём в разном историческом времени.** У нас, образно говоря, иначе работают биологические часы. Когда я бываю на Западе, порой приходит ощущение, что наши народы живут в параллельных мирах, и для того, чтобы они могли встречаться, нужно каждый раз выходить в другую реальность, как в космос, в строго определённое время и, желательно, с надёжной страховкой. Борцов за права человека прошу не беспокоиться, я не призываю власти ограничить свободу контактов. Это моя, может, не совсем удачная, попытка философски осмыслить наши различия.

Мы – русские, и понимание этого многое нам самим, не потерявшим способность думать, объясняет. Но только не представителям европейских народов. **Мы всегда были для них “неправильной” цивилизацией, скифами, Востоком, ими и остались.** Русофобия как неотъемлемая часть **евроцентризма**, являющегося основой их мировоззрения, порождена и чуждостью наших культур, и менталитета, и снобистским нежеланием знать и уважать духовный мир “варваров”. Нам ещё предстоит пройти долгий и тяжкий путь взаимного познания при согласовании геополитических интересов, признания духовных ценностей, лежащих в основе бытия наших народов.

Пройдём ли мы его успешно, взявшись за руки, не знаю, не убеждён. Минувшие столетия не внушают оптимизма. Но для начала нам необходимо разобраться с самими собой. Понять себя и свою историю.